

МИФОЛОГИЯ ВОЙНЫ

Святой хлеб

Весной 43-го года носили по деревням святой хлеб, говорили – «это Паска ходит». Вот уже скоро два года эти деревни жили под немецкой оккупацией. Но слухи доходили – наши близко. А линия фронта всего километрах в тридцати у Кирова.

По проселочной дороге, недалеко от деревни Борок шла стайка девушек. Совсем молоденьких, от шестнадцати до двадцати лет. Шли быстро, молча, как за важным делом.

Встретился им только мужик из Борока на подводе. Удивился. «Девки, вы откуда? У вас пропуск есть?» «Нет у нас пропуска, дяденька. Мы Святой хлеб несем».

Дяденька уже знал, что это такое. «А у нас уже был Святой хлеб, девоньки». Девушек эта новость не огорчила. Наоборот: значит, не только они одни, но и кто-то еще несет Святой хлеб. Кто-нибудь и дойдет...

Три дня назад к ним в Григорьевку пришли девушки из Добужья. А это от них километров десять. Никто из местных там никогда и не бывал. Но знали, что добужинские ездили до войны на базар в Жерелево, привозили свои валенки. Их мужики хорошо валенки валяли.

Староста собрал народ в бывшей конторе. Девушки из Добужья развернули на столе три ковриги хлеба и рассказали, что это хлеб святой, от Пасхи, посвященный каким-то архиереям и митрополитам. Толком они не могли объяснить, каким архиереям. Во всем районе уже лет двадцать не было ни одной церкви. Старушки и пожилые женщины рассказывали, как ходили в церковь по большим праздникам в Закрутое. Молодежи были не интересны эти рассказы. У них в деревне был клуб, танцевали под гармошку, ставили спектакли. Правда, все они были крещеные. Церкви в двадцатые годы закрывали, но по деревням ходили гонимые батюшки, отпевали покойников, крестили деток. В тридцатые и их извели. А храмы разобрали на кирпичи или устроили в них колхозные склады.

Мудрые дореволюционные старушки тоже не разбирали, каким архиереям был посвящен этот хлеб. От Пасхи, значит святой.

- Надо этого хлебушка всем съесть по кусочку, остальное размочить и перепечь с новым хлебом. Эти ковриги донести на фронт, на передовую. И когда наши солдаты в окопах по кусочку этого хлеба съедят, война тут же кончится. И нести этот хлеб должны только девушки, незамужние, чистые, не грешные, - рассказывали девушки из Добужья.

Жители Григорьевки, молодые и старые, услышав это, заволновались и заговорили хором. Гомон стоял такой, что за деревней слышно: сколько можно терпеть, когда же конец этой войне, когда они дождутся своих мужиков?

Всем так хотелось хоть чем-то малым помочь своим родным на фронте. С каждого двора принесли кто горсть, кто две муки, наскребли по сусекам. В каждой хате были свои ручные мельнички, размололи по горстке зерна. Святого хлебушка как причастие покушали, ни крошечки не уронили. Потом замесили тесто, добавили в него кусочки паски. И испекли три ковриги. Бережно завернули в чистые вышитые полотенца. И уже подумывали, кто же понесет. Незамужних девушек у них было много. Стали перебирать одну за другой.

Одна тут же вызвалась сама. Поленька Сначёва. У нее жених на фронте. Наверно, загадала: если донесет хлеб, ее Коля вернется. А Катя Денисова идти не хотела. И отпиралась и плакала. Ей всего шестнадцать. Правда, девка рослая, ей и больше можно дать. Но ее мамка заставила. У них отец, два брата на фронте. И от них два года ни слуху ни духу. Почта ведь не работала. Еще трех девушек уговорили. Они молоденькие. Им страшно было пускаться в такой путь. Хотя дело и доброе. «Господь вас наградит, девоньки», - напутствовала бабка Домна, - Может и не придется вам до самого фронта. Донесите до Блажевич, а там вас сменяют, святой хлеб новый испекут, а вы вернетесь домой».

Катя поплакала, но отказаться не могла. Тем более, что с ними отправили и ее лучшую подружку Зиночку, а она девка бойкая и бесстрашная. Утром мать дала Кате чистые онучки, новые лапти, не пожалела праздничное штапельное платье и сшитый из одеяла пинжачок-курточку. А Зиночка пошла в старой кухвайке. А Поля в тяжелых батиных ботинках. А Валюшка босая, но парусиновые тапочки несла в котомке. Нарядились кто во что горазд.

Женщины уложили святой хлеб, лепешки и вареные картофелины на дорогу. Котомочки за спину – и пошли девушки. Провожали их далеко за деревню. Бабка Домна и старушки пели «Отче наш», «Богородицу» и другие молитовки на долгую дорогу: « Выйду я благословясь, пойду, перекрестясь, двух ангелов встречу, Господь

на пути, Никола Чудотворец, дорожку святи!»). Девчонки их уже не знали. Знала только Зиночка от своей богомоленной бабушки.

К вечеру они уже были далеко от своей деревни ...

В Бороке их встретили хорошо. Напоили, накормили, рассказали, что приносили им святой хлеб девушки с Поляковки. Что послали они своих девушек с новым испеченным хлебом на Дубровку. «А вы идите завтра на Блажевичи, в другую сторону, - рассудили борокцы, - кто-то из вас до фронта и дойдет, кто его знает, где этот фронт, по ночам уже слышно, гремит, немцы оттуда убитых возют».

Девушки переночевали в Бороке и рано утром отправились дальше.

Но донести им хлеб до линии фронта не пришлось. У хутора недалеко от Блажевичей их остановил немецкий патруль. Конечно, девчухи оробели. Хотя жили они с немцами уже давно, привыкли. У них в деревне немцы в каждой хате стояли. И многие постояльцы, по словам хозяек, были «сходливые». Вот первые немцы, которые хлынули осенью 41-го, фронтовики, те были страшные, вредные. Но они побыли недолго, пошли дальше на Москву – и там и сгинули. А после них сразу пришли тыловики, хозяйственники. Это были немцы пожилые и инвалиды. Они пасли колхозный скот, резали овец, свиней, отправляли мясо на фронт и в Германию.

Остановили девушек жандармы с большими бляхами на груди. Этих боялись, потому что среди них были всякие, и немцы и финны, попадались и злые. Но жандарм с бляхой вежливо спросил их на корявом русском, куда это они путь держат и есть ли у них пропуск?

Жандармы отвели девушек в комендатуру. Развернули на столе ковриги, разрезали их. Ничего подозрительного, действительно хлеб. Они долго не могли понять, почему он святой.

- Мы несем святой хлеб, - объясняла им Зина, - Как только донесем этот хлебушек до фронта, и солдаты в окопах этого хлебушка по кусочку съедят, война тут же кончится.

- А чьи солдаты, наши или ваши? – улыбались немцы.

- И ваших солдат угостим, - лицемерили Зинка.

- А победу чью вы хотите? – не без ехидства спросил комендант.

- Нам лишь бы войны не было, и попришли наши отцы и братья домой, и вы чтобы вернулись на родину живые и здоровые, - тут же нашлась Зина.

Ой, хитрая какая, про себя улыбнулась напуганная Катя. Молодец Зинка. Немцам тоже очень понравился такой ответ. Что против них не сказали. Довольные очень были таким хорошим ответом.

Они что-то обсуждали между собой, поглядывая на девушек. Потом долго звонили по телефону и смеялись. А к девушкам подошел молодой светловолосый немец, голубоглазый, вежливый:

- Панёнки, мы ваш хлеб обязательно доставим на передовую. Мы тоже хотим, чтобы война поскорей кончилась, мы тоже хотим домой.

Ну и не сказал тоже, ждут победы или что. Этот молодой немец объяснял, что до передовой они не дойдут, там бои, там на каждом шагу посты. Девушки понуро слушали его, пока он, с трудом подбирая слова, медленно корныхал по-русски. Но понять можно было. Они поняли главное - что до фронта им не дойти...

Зина все поглядывала на стол, где лежал хлеб. Попросила немца отдать хотя бы одну ковригу, угостить местных блажевеческих.

В комендатуре выписали им пропуск и отпустили. «Обошлись хорошо, - рассказывала дома Катя, - даже приглашали остаться на праздник. На другой день был Первомай, они тоже Первомай празднуют. Говорят: «Оставайтесь, завтра праздник, танцевать будем». Но девушки заторопились домой. «Какой еще праздник, а на танцы мы не ходим, мы еще малы для танцев».

Зина просила одну ковригу. Молодой немец вынес им на улицу даже две - и вдруг стал их фотографировать. У них в Григорьевке немцы тоже любили фотографировать. Фотоаппараты в деревне были в диковинку. Но не всем жителям это нравилось. Потому что многие «постояльцы» выискивали стариков в лаптях и заплатанных овчинных тулупах, щелкали самые покосившиеся убогие хатки и отсылали эти снимки в Германию.

- Не надо! – замахала руками Зина, - Мы с дороги, неумытые, в таких хотульках затрапезных.

- Вы очень красивые! – уверял чудак немец.

Катя тоже отворачивалась и не хотела фотографироваться. Еле убежали от него, прижимая к сердцу ковриги.

В Блажевичах уже слышали про святой хлеб и поджидали, придут ли к ним или обойдут стороной. Всем жителям досталось по маленькому кусочку, а остальное добавили в свежее тесто и рано утром перепекли. Хлеб еще остывал на чистых полотенцах, девчонки еще спали после долгой дороги, а в Блажевичах уже было

решено, кто понесет святой хлеб дальше, понесут лесными тайными тропами, которые знали только местные и партизаны.

Молодого немца-чудака звали Асмус Реммер. Он появился в этих краях зимой 42-го года. Не отличавшийся крепким здоровьем, он был совсем не годен к военной службе. Но и его сумели приспособить к очень полезному делу. Реммер был фотографом. Ему поручили фотографировать могилы немецких солдат и отсылать эти фотографии родственникам. В этих местах шли тяжелые бои с партизанами, линия фронта была всего в нескольких километрах, наши самолеты бомбили станцию. Убитых было много. Гробов не хватало. О том, чтобы отправлять тела родным и речи не было. И очень скоро ясно стало, что родственники никогда не смогут перевезти останки в Германию. И посылали им в утешение хотя бы фотографии могил их мужей и сыновей.

Неведомая Россия сразу поразила Реммера. Выгрузившись на станции, они всю ночь ехали пустыми заснеженными полями. Вот оно «жизненное пространство», которого так не хватало Германии. Бесконечное, безмерное. Но это жизненное пространство было таким холодным, безлюдным, пугающим. Все переменялось утром, когда выглянуло солнце.

Асмус Реммер впервые увидел русскую деревню зимним солнечным утром 42-го года. Маленькие домики под соломенными крышами мирно и доверчиво глядели на улицу. В розовое утреннее небо поднимались дымки из труб. Женщина доставала воду из колодца с высоким журавлем. Лошадка бодро тащила сани с дровами. Впечатлительный немец воскликнул: «Это же Библия! Это библейские времена! Что мы здесь делаем, зачем мы сюда пришли? И что оставим после себя?»

От волнения он упал в обморок. Друзья втащили его по ступенькам крыльца в хату, уложили на лавку. Большинство сослуживцев Реммера видели в русской деревне только страшную нищету и убожество. Относились к ее обитателям как к людям низшей расы. И очень немногие интересовались культурой, историей, учили язык.

С тех пор Реммер не боялся повторять сослуживцам, что им нужно как можно скорее заключить мир с этой необъятной Россией и уйти. И никто его не выдал. Несмотря на странности Реммера, сослуживцы его любили, чувствуя в нем особенного человека. И русские женщины сразу почуяли в нем «блаженненького». А блаженненьких и не от мира сего на Руси всегда любили. Вначале жители деревни

отворачивались, когда он их фотографировал, но вскоре стали улыбаться, словно не замечая его зеленую шинель.

Реммер добросовестно исполнял свои обязанности похоронного фотографа. Хорошо, что это была лишь малая часть его трудов. Он любил запечатлеть жизнь. Столкнулись два таких разных мира - русская деревня и немецкое нашествие, и целых два года вынуждены были существовать вместе, под одними крышами. К страшной военной действительности невозможно было привыкнуть, тем не менее протекала обычная жизнь – заботы о скотине, огороды, сенокосы, деревенские праздники... У немцев тоже сложился свой быт, если можно было так его назвать.

Реммер много фотографировал своих друзей и сослуживцев. «Белое безмолвие» - это не просто фото на память. Хатки утонули в снегу, бушует метель, вдалеке несколько сиротливых фигурок немцев. Они бредут на Рождественское богослужение.

Но все-таки русская деревня интересовала его больше. На Троицу в деревне Падерки немец фотографировал нарядных девушек, которые водили хороводы и гадали, бросая в речку венки. Любовался сонокосом, когда мужчины и женщины сгребали сено, метали стога и копенки. Любил фотографировать детей и животных. Этим он спасался от своей страшной службы.

А похорон становилось все больше. Бои возле Кирова не утихали, фронт приближался. Вернувшись со службы, Реммер просил молодую хозяйку переодеться из будничного в праздничный сарафан и «рукава», так называли здесь вышитую рубаху. Усаживал ее с младенцем возле плетеной из лыка люльки и просил петь колыбельные. Женщина посмеивалась над своим странным постояльцем, но с удовольствием позировала ему, качала подвешенную к потолку люльку и напевала сыночку байки и пестушки про котика и сову: «Приди, котик ночевать, мойго Ваню покачать! Я котика заплачу, дать крыночку молочка и кусочек пирожка...».

Как можно было совместить ужасы войны и идиллию, запечатленную Асмусом Реммером. Но Реммер сумел это сделать. Потому что он был не просто фотограф, но и художник.

Он не участвовал в боевых действиях, остался в живых и вернулся домой, сохранив почти весь отснятый материал. После войны стал владельцем большого фотоателье. И составил вместе с сыновьями фотоальбом о российской деревне «В стороне от дорог».

Этот альбом вместе с дневниковыми записями Реммера был замечен, и в девяностые, когда все границы и стены рухнули, ему предложили устроить выставку

фотографий в Москве и в Нижнем Новгороде. Кому-то очень понравилась эта поэзия русской деревни военного времени. А многие фронтовики возмутились. И их тоже можно понять. Спешно покидая эти места, немцы методично сжигали деревню за деревней. Сформировали даже специальные отряды поджигателей. Пылали деревни, женщин и детей угоняли в «полон», чтобы русские нашли здесь только выжженную пустую землю.

Только через несколько месяцев, а кто-то через год вернулись на пепелище жители, стали рыть и обустраивать землянки, голодали, ели «тошнотики» из прошлогодней мерзлой картошки, лебеду и сныть. Как же это забудешь?

В 2003 году Асмус Реммер и сам приезжал в эти деревни, которые в 1944 году «перебросили» из Смоленской в Калужскую область, чтобы найти могилы своих товарищей. У немцев были не только фотографии могил, но и точные карты захоронений. Поездка была полутайной, тихой, без всякого оповещения в местной и губернской печати.

В девяностые и в начале нового века немцы часто приезжали в Россию в надежде найти могилы близких. В уездном городе Юхнове Калужской области был немецкий госпиталь, поэтому здесь лежат тысячи немцев. Но даже робкая просьба построить в память их маленькую часовню вызвала такую бурю возмущения, что гости тихо уехали восвояси. Может быть, через два-три поколения такая часовенка и будет стоять в Юхнове, но не сейчас, когда живы люди, видевшие этот старинный чудный городок в руинах.

Реммер не оставил воспоминаний, какие он посетил деревни и братские могилы спустя шесть десятилетий, и что испытывал он, глядя на густой сосновый бор или на бурьян ему по плечи на месте этих захоронений.

Его весной 43-го откомандировали во Францию, где он попал в плен к американцам и вскоре вернулся домой. Жаль, что он не оставил фотографии девушек, носивших святой хлеб. Конечно, это доброе поверье взволновало его впечатлительную душу.

А девушки из Борока или Блажевич все-таки дошли до передовой и донесли святой хлеб нашим солдатам, потому что совсем скоро, в сентябре немцев окончательно погнало, и пришла наша родная армия.

«Лётчик, помоги!»

Раньше таких деревенок было в России сотни тысяч. По деревенской улице бегали ребяташки. "Детей было – тучи!", - вспоминали старики. Ведь в каждой семье нарождалось пять, а то и семь-восемь душ. На каждом дворе стояла корова с телкой, пара поросят, куры. А в такой деревне как Латыши, не обойтись без коня, иначе никуда не доберешься, ни на базар, ни на станцию.

Сотни лет, и в бедности и в достатке, протекала эта полнокровная жизнь, а оскудела она и обезлюдела очень быстро, за два-три десятилетия.

Еще в семидесятых в Латышах была ферма, школа, магазин. А через десять-двадцать лет все вымерло. И деревня Латыши заросла травой по плечи. Дома вывезли в соседние большие села и даже в район. Другие рухнули. Только на краю когда-то большой деревни остались три одиноких дома. На этих хуторах летом хозяйствуют «фермеры», местные пенсионеры. Привозят сюда из Закрутого корову, кур и живут привольно. В отпуск наезжают к ним дети и внуки, и тогда в деревне слышатся детские голоса и звуки музыки. Как в старые добрые времена. А зимой все возвращаются в село. Там магазин, и автобус хоть раз в неделю бегает в районный поселок на базар.

Летом сюда часто заходят грибники и ягодники. И все подходят к огороженному штакетником холмику недалеко от дороги, где густо разрослись сирень и кусты жасмина.

Это могила, но без православного креста и остроконечного памятника со звездой. Потому что рядом была школа и медпункт, какой может быть крест в центре деревни! И могильный холмик давно бы исчез, если бы чьи-то руки каждую весну не поправляли, не пропалывали траву и не сажали простенькие цветочки. Потому что могилка особенная, на другие не похожая.

В сорок третьем году наши самолеты часто бомбили район. Потому что рядом станция и линия фронта. Немцы натерпелась от нашей авиации. Но и самолетов сбивали много. В этой деревне в то время стоял немецкий гарнизон. А в школе был госпиталь. И когда сбили русский самолет, один летчик погиб, а другого, сильно обгоревшего, привезли сюда. И он прожил еще три дня.

Мальчишки бегали вокруг школы и заглядывали в окна. Они видели, как вынесли из лазарета завернутое в простыню тело и закопали недалеко. Своих немцы тоже далеко не носили, хоронили за школой, на бывших огородах. Когда были гробы – в гробах, а потом гробов не хватало, укладывали просто штабелями. Ставили березовые кресты. За два года оккупации у немцев образовались три больших кладбища. Когда они спешно покидали эти места осенью сорок третьего, то все свои кладбища разровняли и насажали деревьев, больше молодых сосенок. Теперь над этими могилами шумит красивый густой бор.

Осенью 43-го немцы, убегая, едва успевали хоронить своих. Трех или четверых они наспех закопали прямо во дворе у бабки Фёклы. Через несколько дней пришли наши и чуть поодаль, на огороде похоронили своих. Так и лежат они все до сих пор почти рядом.

Потом вернулась из угона Фёкла с детьми и стариками. Вернулись они на пожарище. В деревне остались только две хаты и несколько сараев и бань. Фёкле повезло, вскоре пришел с войны ее мужик и тут же начал возить лес и строиться. Соседи еще лет пять жили в землянках, а Чугуновы отгрохали такой пятистенок, что в нем помещались несколько семей и жили больше двадцати человек родни.

И оказались могилы наших солдат прямо под окнами этого нового дома с белыми наличниками. Это место не трогали и посадили там кусты сирени, несколько яблонь и слив. А немцы лежали где-то за огородом. И ведь говорили Феколке и ее мужику, и место точно указали очевидцы этих захоронений. Но хозяев это нисколько не смущало. Была в этом какая-то загадка. Вроде, сначала всё собирались и собирались перезахоронить, но руки так и не дошли. Не до того было.

В первые послевоенные годы у нас даже не поощрялось помнить и праздновать 9 мая. И день этот не был выходным. Люди не возражали. Народ не любил вспоминать войну. Всем хотелось поскорей ее, проклятую, забыть.

И только лет через двадцать, в большой юбилей, все переменялось. Люди словно очнулись и посмотрели на войну чуть издалека. И взгляд этот был уже другим...

Прошло еще лет двадцать. Деревня опустела. Но летом на могиле у дороги, огороженной штакетником, всегда лежали – то кустик земляники, то конфеты с печеньем, в августе яблочки. Кто-то сколотил простенькую скамейку за оградкой. Женщины постарше могилку обихаживали.

Вдруг прошел слух, что именно в этом месте летом сорок третьего был сбит сын Хрущева Леонид. Документальных подтверждений этому не было. Но народ тут же придумал быль о его гибели. А может быть есть в этом рассказе доля правды. Якобы местные жители видели своими глазами, как упал на поле возле Алексеевки этот подраненный самолет. Один летчик погиб сразу. А второй встал во весь рост в кабине, с улыбкой наблюдая за приближающимися немцами. Они хотели взять его живым, не стреляли. Он не спеша причесался, спрятал в карман расческу, потом достал пистолет – и застрелился...

В окрестных деревнях и в районном поселке десятки, если не сотни одиноких могил и больших захоронений военного времени. Но эта могилка какая-то особенная. Сколько раз на нее покушались местные начальники. В пятидесятые один из председателей сельсовета приказал сровнять ее с землей. Теперь никто не помнит, где на кладбище его могила. Никто к нему не ходит, дети давно разъехались по городам и дорогу забыли. А могилка безымянного летчика не забывается.

Удивительные истории рассказывают о ней в народе. Как родились это поверья, откуда пошли, теперь уже никто не знает. Одним словом – фольклор.

Но это не пересуды и не глупые бабьи выдумки. Нет, все это достоверно, быть, от слова было.

Вот только два случая, о которых рассказывали местные жительницы.

Вера Егоровна почти каждое воскресенье летом приезжала к больной матери из Кирова. Автобусом до Анновки, а оттуда пешком до Закрутого. А это не много не мало – двенадцать километров. Иначе не доберешься: автобусы в разруху, то есть в перестройку, совсем перестали ходить. И вот сойдя с автобуса в Анновке в пятницу вечером, Вера Егоровна сначала бодро шагала половину пути до Латышей. И в сумерки подходила к знакомой оградке. Но никогда не боялась. Наоборот. Садилась передохнуть на скамеечку, оставляла на холмике гостинец-поминанье и иногда про себя, а иногда и вслух разговаривала с Ним. Жаловалась, как тяжело ей после работы ездить в такую даль, но мать ждет и надеется. А ведь она и сама уже не молоденькая, почти пенсионерка. «Ну-ка побегай каждую неделю туда и обратно», - жаловалась она летчику. И вздохнув, через силу побрела дальше. И вдруг шаг за шагом ноги стали легкими, и не она их, а ноги сами ее понесли. А за спиной словно крылья выросли. Она не шла, а летела и не заметила, как очутилась дома.

Несколько лет еще пришлось ходить Егоровне к больной матери. И всегда она приходила отдохнуть к могилке и рассказать Летчику о своей жизни. И потом откуда только силы брались: и пошла и пошла и пошла, с молитвой, быстро добегала домой.

А это история случилась всего три-четыре года назад.

Валентина Ефремовна летом часто ходила на могилку к своим родителям в Латыши и всегда навещала летчика. Но с каждым годом ей все труднее давалась дорога туда и обратно. Да еще не с пустыми руками: надо же могилки прополоть и прибрать.

Она замешкалась и не заметила, как вечер подступил. И тут только почувствовала, как устала. А идти-то семь километров. И она со вздохами и охами причитала: «Господи Боже, Пресвятая Владычица Богородица и ты Лётчик, как же мне дойти, как себя до дому донести? И нога как назло разболелась».

Недалеко у фермерского дома старушка пасла корову. Она угостила Ефремовну квасом, приглашала переночевать. И ей Ефремовна пожаловалась, как устала.

Женщины постояли, погоревали и уже стали прощаться... Как вдруг услышали вдалеке тихое урчание мотора, и показалась на краю деревни большая белая машина. Таких и не было ни у кого в округе. Только старенькие «жигули» да «девятки». А уж в Латыши машины редко заезжали. Женщины и глаза разинули. И даже корова подняла рога и уставилась. Машина медленно подползла и остановилась.

Вышел молодой парень, спросил, что за населенный пункт. Старушки заговорили разом, перебивая друг дружку: «Сынок, ты не туда повернул... Тебе надо было на Песочню, а ты на Мокрое свернул...». Парень понял, расстроился. К другу ехал из Десногорска в Верхнюю Песочню, и карта у него есть, а пропустил поворот. Ну, ничего, успокоили его женщины, это небольшой крюк. Хорошо, что они его тут остановили, а то проехал бы до Кирова.

Они рассказали парню, как вернуться на шоссе, и куда потом ехать. И Ефремовна робко попросила подвезти. «Конечно, бабушка, без проблем!» – согласился парень. Быстро домчались до Закрутого. И она дорогой утешала парня: «Сынок, ты не горюй! Может, тебе и повезло. Говорят, там после дождей дорогу так развезло, что не пройти, не то что проехать. Застрял бы где-нибудь и ждал, кто вытащит.

Расстались сердечно, и Валентина Ефремовна вернулась домой, удивляясь, как хорошо у нее на душе.

Со временем узнали об этой могилке не только местные. Журналисты из Калуги и даже из Москвы писали и рассказывали по радио о могиле безымянного летчика.

Этой славе местные чиновники совсем не рады: вот теперь ломай голову, что делать с этим мистическим захоронением. Во-первых, на праздники ко дню освобождения района от оккупации могут нагряться большие начальники и пронырливые журналисты, вечно жаждущие чего-нибудь новенького и сенсационного. Это значит, надо содержать могилу в порядке: обкашивать, поставить крест или обелиск со звездой. Таких обелисков у них по району стоит два-три десятка. А сколько захоронений без обелисков и крестов, о которых помнят только местные старики! Уйдут старики и все забудется. На этом месте будет бурьян, мелколесье или дома и дачи.

А молодой директор совхоза, атеист и насмешник, советовал им: «Поставьте крест на могиле – и тут же все чудеса прекратятся. Это мне один батюшка посоветовал. Все это, говорит, от лукавого, по-церковному – прелесть...»

Но народ директору не поверил.

Если прохожие и грибники заходили к летчику время от времени, то каждый день летом к нему приходила старушка. Эту старушку звали Улита Ивановна, и родилась она в Латышах еще до революции. И каждый год сын привозил ее на все лето из Песочни в родную деревню. Утром Улита Ивановна обязательно становилась на колени перед своим маленьким иконостасом - несколько простых бумажных иконок Спасителя, Троицы и Богородицы, - и горячо молилась за всех родных, детей, внуков, живых и ушедших в мир иной. А потом шла, тяжело опираясь на костыль, к Летчику и долго сидела на скамеечке у его могилы, разговаривала с ним: «Милый мой

сынок, не знаю твоего имени, но Богу все известно. Мне ничего не нужно, только бы умереть вовремя на своих ногах. И чтоб меня похоронили здесь, на моем погосте. А если я приберусь в городе да еще зимой, никто меня сюда не повезет».

Улите Ивановне не с кем было поговорить. Все ее подруги и пожилые родственники уходили в мир иной, а молодежи она была неинтересна. Разговаривала она только на кладбище со своими дорогими покойниками и с Летчиком. Вслух или про себя говорила, но они ее слышали и отвечали. Летчик тоже все про неё знал... Что у нее на войне погибли муж, два брата, дядя и много других родственников. Что муж ее похоронен в братской могиле где-то в Брянской области, и дочка ездила к отцу на могилку. Рассказывала, хорошо там за могилами ухаживают, все имена высечены на памятнике, много цветов и венков. «А было-то ему всего двадцать четыре года», - горевала Улита Ивановна, - И тебе, наверно, не больше». А другие родные Улиты Ивановны покоятся кто где, в своей стране и даже за границей. И есть ли у них могилки или давно сровнялись с землей – неизвестно. И за всех она молилась и заказывала панихиды в родительские субботы. А это главное. «И за тебя кто-то молился, матушка твоя и родня, и может быть кто-то до сих пор молится», - говорила она Летчику.

Улита Ивановна дожила до тех светлых дней, когда в Закрутом, Дубровке и других окрестных деревнях народ собрал деньги, и плотник на все руки Коля Мелешкин срубил часовенку на кладбище. И теперь батюшка приезжает на Духов день и служит. И Улита Ивановна успела сдать свою денежку на часовню. О том, чтобы восстановить церковь никто и не мечтал. От нее ничего не осталось.

А потом, не дожидаясь милости от начальства, собрали деньги и на деревянный крест и на новую оградку для могилы летчика. Не рассуждали, был ли он крещеный, православный? Тогда не было некрещеных. Кое-кто говорил: «Зачем в пустой деревне ставить крест? Кому это нужно?» Но большинство поддержали.

И по-прежнему чьи-то заботливые руки обихаживают могилку. Косят траву вокруг, сажают простенькие цветы. И по-прежнему всегда на холмике лежат яблоки, конфеты и печенье. И люди приходят поговорить с безымянным летчиком и попросить у него помощи, особенно сил на дорогу и всякую работу. И Он обязательно помогает.

Сведения об авторе

Миронихина Любовь Федоровна – член Союза писателей России, 16 лет проработала на кафедре фольклора филфака МГУ, 7 лет – в Государственном республиканском центре русского фольклора. Участник многих экспедиций. Любимая тема – рассказы женщин и детей войны об оккупации. Записала корпус рассказов фронтовиков. Среди книг – сборник "Из первых уст"(2010).

